

О В О Е Р И

НА АРЕНЕ он похож на ученого, который проводит эксперимент. Кажется, его мир — это сложные формулы, геометрические линии и современные скорости. Сам он — сгусток мыслей и энергии. Темп, темп и еще раз темп! Он словно подхлестывает время, в его бешеном движении должно родиться нечто неожиданное, яркое, как вспышка электрического разряда. Тогда он отходит в сторону, словно хочет отделить себя от своего удачного опыта. Так ученый требует от своих учеников: «Смотрите на прибор, а не на меня».

Те, кто смотрят, верят ему.
«Может быть, Вы научились управлять гравитационным полем или пользуетесь какими-либо светозвуковыми эффектами? Какие законы физики положены в основу Ваших опытов?»

Это из письма одного зрителя.
А в жизни Эмиль Кио производит впечатление застенчивого, не очень разговорчивого человека. Когда он сидел у нас в редакции и слушал, что говорили о нем режиссер Минского цирка М. Р. Лукавецкий, руки Кио, умные, ловкие руки, нервно крутили маленькую карточку с тремя крупными буквами «КИО». Он заметно волновался.

Эмиль Эмильевич Кио, сын всемирно известного иллюзиониста Эмиля Теодоровича Кио, рассказывал о себе скупое, словно и здесь хотел остаться предельно точным и лаконичным.

— Родился в цирковой семье. С цирком связаны первые детские впечатления. Помню одно, самое яркое. Меня впервые привели на представление отца. Когда я увидел, как мой отец поместил в ящик, потом «распилил» мою маму, я с криком бросился на арену... Теперь сам «распиливаю» свою жену.

В НАШЕМ ГОРОДЕ ВОЛШЕБНИК

Между этими двумя событиями — первым детским, слишком сильным впечатлением и сегодняшними «опытами» молодого Эмиля Кио — двадцать с лишним лет любви и охлаждения к цирку, отказа от него и возвращения. Он знал все «секреты» отца еще мальчишкой, участвовал в его представлениях, занимаясь в десятилетке. Но будущее свое видел иным. Он окончил институт, стал инженером-строителем. Когда ушел с арены великий волшебник Эмиль Теодорович Кио, создавший целую эпоху в цирковом искусстве, наследниками его удивительного мастерства стали Игорь и Эмиль Кио, талантливые ученики отца.

— Может быть, вы хотите, чтобы я вам показал что-нибудь из моей программы? — угадывает невысказанное желание нашей маленькой аудитории Эмиль Кио.

И тогда появляются яркие ажурные столики «фокусника», в руках Кио машет крыльями, затем бесследно исчезает живая гогочущая утка, звучит выстрел, и, словно сквозь воск, проходит через стекло длинная игла с красной лентой. Потом на глазах недоверчивых зрителей разрезается и чудом восстанавливается толстенный канат, после чего самые закоренелые скептики ловят себя на мысли о мистике.

...А на арене цирка этот канат превращается в крепкий шест, по которому ловко подымается акробат. Когда человек спускается на землю, «шест» мягкими кольцами падает к его ногам. Зрители замирают. Потом, очнувшись, горячими аплодисментами выражают свое восхищение.

Они не раз звучат, эти дружные аплодисменты, на представлениях Эмиля Кио. Легким поклоном поблагодарив за них, артист остается спокойным, сосредоточенным. Он ведь пригласил всех на опыты. Он «экспериментирует»: превращает голубя в курицу, дрессирует льва, пламя — в воду. И все это сдержанно, почти без эмоций. Не маг и волшебник в звездном халате, в облаке дыма, а современный молодой человек, пылкий и несколько рационалистичный. Таков Эмиль Кио на арене.

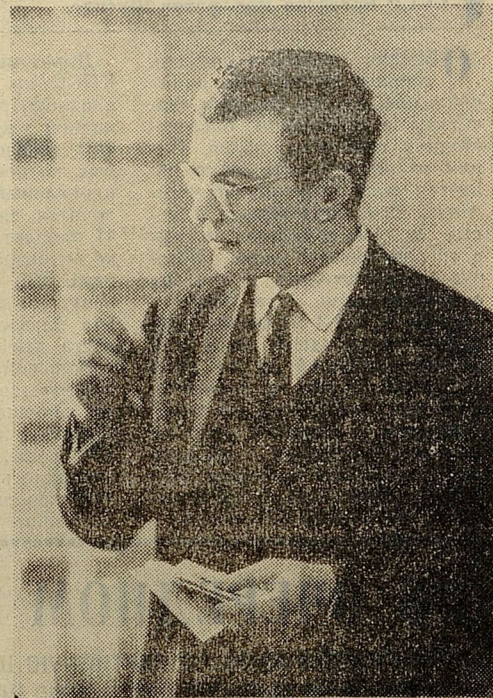
Он строит свою программу как стройную научную концепцию: все выверено в ней — от смены ритмов до цвета и формы вещей. В этом сказываются тонкий вкус, настоящий артистизм. Только коверные, участвующие в программе, несколько выпадают из этой «концепции». Они из другого жанра, из иного мира, более земного. Думается, прав Эмиль Кио, что собирается с ними в будущем расстаться. Артист ищет, он уже нащупал свою дорогу, он сделал на ней первые шаги. Еще предстоит от чего-то, найденного отцом, отказаться, что-то новое найти самому.

...После дневного представления Эмиля Кио я пробиралась с сынишкой сквозь огромную толпу. Вдруг заметила, что сын жует конфету.

— Откуда она у тебя?

— Кио дал, — услышала я уверенный ответ.

— Как? Но ведь он и близко к нам не подходил, — пустила я в ход дово-

ды разума. Однако малыш оказался стойким идеалистом.

— Кио положил мне в карман, незаметно. Он же волшебник.

Умные, добрые волшебники. Пусть всегда живут они среди нас, чтобы дольше сохранялась в людях вера в чудесное, неизведанное в мире, которое предстоит еще открыть, объяснить.

В нашем городе гостит волшебник...

Д. МАНАЕВА.